

Дата публикации: 22 июня 2023

DOI: 10.52270/26585561_2023_18_20_81

Исторические науки

ПРИНЦИП РАВЕНСТВА ИМПЕРСКОЙ КОМИССИИ ПО ВОИНСКИМ ЗАХОРОНЕНИЯМ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА ПРИМЕРЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЧЛЕНА КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬИ

Немцов Денис Олегович¹

¹Аспирант факультета истории, мировой политики и социологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, ул. Интернациональная 33, Тамбов, Россия, E-mail: DN414@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается, как захоронение принца Мориса Баттенбергского стало проверкой на прочность влияния и принципов Имперской комиссии по воинским захоронениям, которая пыталась доказать законность и правильность своего подхода, несмотря на противодействие матери Мориса, принцессы Беатрис, дочери королевы Виктории. Делается вывод, что во избежание публичных обсуждений Комиссия усилиями Фабиана Уэра отстояла свои основные принципы, согласно которым принцесса Беатрис не была освобождена от общих правил в силу своего королевского статуса, но имела моральное обязательство перед всей Империей принять их.

Ключевые слова: имперская комиссия по воинским захоронениям, первая мировая война, мемориал, репатриация, эксгумация.

I. ВВЕДЕНИЕ

Массовая гибель солдат Британской империи во время Первой мировой войны создала ряд проблем, связанных с захоронением и последующим поминанием. Имперская комиссия по воинским захоронениям была создана в 1917 году, чтобы разработать систему захоронения и содержания военных мемориалов. Ключевым принципом обращения с телами, как опознанными, так и неопознанными, было создание мемориалов на первоначальном месте захоронения, если это возможно, или совсем рядом, если необходима эксгумация. Комиссия фактически сделала мемориалы за границей собственностью Британской империи и полностью взяла на себя ответственность за все вопросы, связанные с захоронением, созданием мемориалов и содержанием их в надлежащем виде.

Первая мировая война заставила британское правительство, его государственные департаменты и ведомства, а также британский народ столкнуться со всеми последствиями самого жестокого военного конфликта в истории человечества.

Масштаб войны, потребовал использования всех ресурсов государства и значительного расширения его полномочий и сферы влияния, разрушив давно устоявшиеся политические и культурные концепции и социальные нормы. В данной статье будут рассмотрены способы, с помощью которых принцесса Беатрис пыталась установить контроль над могилой своего сына, и как это привело ее к конфликту с недавно созданной Имперской комиссией по воинским захоронениям.

II. ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Значительная часть мировой историографии сконцентрирована на том, как это отразилось в обществе, в первую очередь на правах личности в связи с введением воинской повинности, которая превратила мужчин в прямых слуг государства [1, p. 161]. Возможно, это усиление власти государства над отдельными людьми произошло после того, как оно начало контролировать, казалось бы, бесполезный актив - тела погибших солдат. После Первой мировой войны по всей Великобритании были возведены мемориалы, целью которых было сформировать память о погибших при отсутствии мест захоронений. В то время как эти «замещающие» мемориалы в британской историографии были изучены достаточно глубоко, исследования, посвященные созданию военных кладбищ, практически отсутствуют. Отчасти это связано с практикой работы Имперской комиссии по воинским захоронениям. Будучи гражданской, межправительственной организацией, Комиссия следовала практике британской гражданской службы, выполняя свою масштабную задачу эффективно и тихо. В отличие от государственной службы, Комиссия не была обязана (и сейчас не обязана) передавать свои файлы в Национальный Государственный архив. Официальная история Комиссии, опубликованная в 1967 году (пересмотренная в 1985 году) к пятидесятой годовщине ее создания, содержит полезный отчет о развитии учреждения, но не содержит ни одной ссылки на архивные источники [2, p. 53]. Только в 1997 году нанятым исследователем был составлен первый профессиональный, но неполный архивный каталог. Однако потребовалось еще более двадцати лет, чтобы Комиссия наняла штатного архивариуса и создала общедоступный интернет-архив [3].

Благодаря микроисследованию истории захоронения принца Мориса Баттенбергского можно понять главный предмет спора о поименовании погибших на войне в Великобритании, в частности, спорный вопрос о принципе «нерепатриации» тел. Хотя Морис был младшим офицером, он при этом являлся самым высокопоставленным членом британского общества, погибшим во время войны. Его матерью была принцесса Беатрис, младшая дочь королевы Виктории и вдова принца Генриха Баттенбергского, который умер от лихорадки во время возвращения с военной службы в Ашанти в 1896 году. [4, s. 258]. Для огромного числа скорбящих родственников процесс примирения с утратой и своим горем начинается с захоронения тела на выбранной ими земле и с выбора постоянной формы поименования, но подавляющее большинство было лишено этой возможности в межвоенный период. Несмотря на интенсивную подготовку к войне, масштабы потерь все еще шокировали британскую армию и поставили вопрос об учете массы погибших, обращении с их телами и информировании близких. В некотором смысле этот вопрос был чисто административным. Эффективное управление Британскими экспедиционными силами требовало, чтобы армия владела статистикой боевых потерь и пропавших без вести. Хотя такие задачи находились в ведении генерал-адъютанта, небольшие по численности Британские экспедиционные силы оказались под большим давлением административных структур, и они не могли адекватно справиться с требованиями точной регистрации захоронений для помощи в статистических расчетах. В эту проблему вмешался Фабиан Уэр, эдуардовский эрудит - журналист, колониальный администратор и реформатор образования. В возрасте сорока пяти лет в начале войны Уэр добровольно вступил в Красный Крест и возглавил мобильный отряд. В этот начальный период службы он быстро начал осознавать проблему маркировки и учета захоронений, и его роль постепенно сместилась в сторону этой задачи. Ее первостепенность стала очевидной, когда он создал специальное подразделение, Комиссию по регистрации захоронений, для надзора за этой проблемой.

По мере увеличения объема работы в 1915 году армия осознала целесообразность включения этой функции в собственные структуры, и в феврале 1916 года было сформировано Управление регистрации захоронений и запросов, а Уэру было присвоено звание подполковника [2, р. 28]. Одной из многих проблем поставленных перед Уэром, был вопрос о репатриации. Ему не потребовалось много времени, чтобы принять решение, и он почти сразу стал сторонником идеи нерепатриации. Его позиция по этому вопросу укрепилась весной 1915 года после того, как лейтенант Гладстон, внук бывшего премьер-министра У.Э. Гладстона, был перезахоронен в Великобритании. Для Уэра проблема подняла фундаментальные моральные вопросы, касающиеся равенства в обращении. Прекрасно понимая, что только богатые люди могли иметь влияние и ресурсы для организации такого трудоемкого и потенциально опасного предприятия, он был полон решимости искоренить эту практику. Принцип равенства обращения был в резкой оппозиции к аристократическому принципу, который доминировал в поминовении погибших на войне со времен Азенкура и разрушался в конце девятнадцатого века. Первая мировая война сделала эту зарождающуюся концепцию моральной и политической необходимостью. Единственным решением для достижения равенства и гармонии между классами Британской империи стала государственная монополия на захоронение [2, р. 14].

Усердно работая, Уэр в декабре 1915 года заключил соглашение с французами о бессрочной концессии земли под британские военные кладбища и мемориалы. Главной причиной стремления Уэра к нерепатриации было не только равное обращение непосредственно с телами погибших, но и равенство тех, чьи тела репатриировать было в принципе невозможно. Поскольку много солдат пропало без вести, возникла дилемма в деле увековечения памяти: как помнить человека, который теперь существовал только под именем? В то же время, было много тел, чья личность не была установлена, что оставляло вопрос о том, кто будет ответственен за их поминовение и какую форму оно должно принять. По мнению Уэра, неравенство между опознанным телом, неопознанным телом и пропавшим без вести усилилось бы, если бы частным лицам было разрешено либо вступить во владение опознанными телами, либо устанавливать мемориалы на местах их захоронения. Для решения этой проблемы, в мае 1916 года он добился запрета на возведение постоянных частных мемориалов на могилах [2, р. 15]. 1917 год стал решающим в плане формирования официальных представлений британского мира о памяти и поминовении погибших в войне. После целого ряда обсуждений и некоторых споров, было принято решение о создании уникального общеимперского учреждения для постоянного ухода за могилами и воинскими мемориалами. [5, р. 125] Имперская комиссия по воинским захоронениям начала свою деятельность 20 мая 1917 года. под руководством ее постоянного заместителя председателя Фабиана Уэра. Будучи глубоко преданным идее единой империи, Уэр добился того, что в органе была представлена вся империя, но все представители были белыми, в состав Комиссии входили также индусы пусть и в не большом количестве. Такой состав означал, что обязательство о равенстве обращения было распространено не только по классовому, но и по национальному принципу. И как показывает случай принца Мориса, это обязательство отнюдь не было пустым [6, р. 358].

Принц Морис Баттенбергский умер от ран, полученных во время Первой битвы при Ипре 27 октября 1914 года, и был похоронен на городском кладбище Ипра. Его статус привлек всеобщее внимание. Его смерть и похороны широко освещались в британской прессе, а также попали на заголовки газет в США [7, р. 98]. Для принцессы Беатрис, как и для тысяч других матерей, обстоятельства, при которых умер ее сын, лишили ее возможности каким-либо образом вмешаться в выбор места, мемориала или в процесс погребальной службы. Это резко контрастировало с чрезвычайной пышностью и церемониями, с которыми был похоронен ее муж, герцог Генри, в 1896 году. Его тело привезли домой, торжественно перенесли в семейную часовню, после чего состоялись пышные похороны, в которых принцесса Беатрис приняла самое активное участие. Когда дело дошло до погребения ее сына, ряд решений и действий, обычно предназначенных для самых близких родственников, были выполнены другими людьми [8, р. 288-290]. В конце ноября 1914 года были опубликованы первые фотографии могилы, на которых был изображен простой деревянный крест, увитый венками. Газета Daily Mirror поместила фотографию могилы на первой странице вместе с портретной фотографией принца, вставленной в изображение. Надпись гласила: «Где похоронен принц Морис Баттенбергский».

На кресте начертаны слова «Mort au champ d'honneur» (погиб на поле чести). «Портрет принца-героя, лейтенанта Королевских стрелков» [9]. Почти сразу после вступления в силу перемирия принцесса Беатрис начала строить планы по возведению собственного мемориала. [10, p. 43] Реакция Уэра была однозначной. С того момента, как принцесса начала свои расспросы, Уэр ожидал, что она откажется от любых частных планов и покажет пример, публично приняв и одоблив рекомендации Комиссии. Вероятно, это связано с тем что Уэр узнал, что лорд Китченер якобы предлагал принцессе возможность репатриировать тело ее сына вскоре после его смерти, но она отклонила это предложение. Уэр хотел получить заявление от принцессы по поводу использования надгробий, а не крестов, что многие считали предательством христианских принципов. В письме Уинстону Черчиллю, занимавшему пост военного министра, Уэр написал: «Я надеялся, что принцесса Беатрис будет готова выступить с инициативой в вопросе о равенстве обращения». Для Уэра это была идеальная возможность представить общественности эскизные планы, а может быть, и полномасштабный макет надгробия принца, подкрепленный заявлением принцессы. Он написал Черчиллю: «Её можно попросить объявить о том, что над могилой принца будет установлено это надгробие, как и над всеми могилами офицеров и солдат, независимо от их звания» [10, p. 68]. Для Уэра и Комиссии одобрение на таком уровне стало бы весомым аргументом в споре о роли и полномочиях организации, а также значительно повысило бы авторитетность утвержденных ею принципов [11, p. 41].

Тем не менее, общественный дискурс и реакция Комиссии на него отражают тот факт, что позиция по вопросу об оформлении могил отнюдь не была твердой и полностью понятной. Такое непонимание, похоже, коснулось даже сотрудников Комиссии. Уэр послал лорда Стопфорда, сотрудника Комиссии, на встречу с принцессой в надежде убедить ее отказаться от любых частных инициатив в отношении могилы ее сына. Выбирая Стопфорда, Уэр считал его кандидатуру наиболее подходящей поскольку Стопфорд являлся давним проверенным сотрудником и недавно получил должность секретаря Комиссии, и поэтому ему доверили эту очень деликатную задачу. Уэр также рассчитывал на аристократический ранг Стопфорда, который мог помочь в общении с принцессой. В итоге Стопфорд непреднамеренно усложнил ситуацию. Возможно, полагая, что принцесса может быть освобождена от стандартных правил, во время встречи он сказал ей, что она может поставить то надгробие, которое она сделала, но в Комиссии надеются, что она, как член королевской семьи, подаст всем великолепный пример следования принципам равенства погребения. Однозначного ответа от принцессы не последовало, она лишь сказала, что «почти сразу после смерти ее сына она приступила к оформлению надгробья, прежде чем возникла идея о какой-либо комиссии, и только по предложению принца Уэльского, позднее, она отложила все дела по подготовке погребения» [12]. Из ответа принцессы можно сделать несколько выводов. Во-первых, вскрылась проблема с теми частными мемориалами, которые были созданы до того, как была определена и стала обязательной политика Комиссии. Хотя их было немного - всего, не более 100 постоянных погребальных памятников было установлено во Франции и Бельгии, и несколько больше в Египте при поддержке Британского Красного Креста, все равно этот вопрос стал проблемным для Комиссии [13, p. 116]. Также существовало несколько роскошных памятников квазипостоянного характера, установленных самими солдатами своим товарищам. Учитывая желание Комиссии выглядеть другом солдата, эти мемориалы тоже могли вызвать проблемы, поскольку Комиссия не могла требовать смену таких памятников. Здесь на первый план вышли целесообразность и дипломатия. Комиссия вежливо поинтересовалась у родственников, хотят ли они, чтобы их оригинальные мемориалы были заменены, и просто оставила на месте памятники тех, чьи родственники отказались от официального надгробья [13, p. 134]. В случае Мориса Баттенбергского принцесса не успела установить свой постоянный мемориал на могиле, но он уже был выполнен по ее проекту, и она заявила о своем праве на его установку на том основании, что ее решения были приняты и исполнены задолго до создания Комиссии [14].

Второй важный момент, который был выявлен в интервью Стопфорда с принцессой заключался в склонности принца Уэльского Эдуарда VIII запутывать ситуацию, делая комментарии не по делу, что было особенно проблематично, учитывая его статус президента Комиссии. Для Уэра было важно, продемонстрировать единство аристократических семей с народом.

Эта идея была подорвана фразой Эдуарда VIII, что к его родственнице можно применять иные правила. С самого начала принцесса Беатрис утверждала, что принц Уэльский заверил ее, что ее желания будут учитываться, и что принципы Комиссии «были составлены для того, чтобы воспрепятствовать установке личных памятников для всех остальных, но не для представителей королевской семьи» и поэтому принцесса все еще надеялась, что позже, когда возобновится мирное время, разрешение может быть получено [15]. Именно в этих намеках на королевскую исключительность Уэр видел наибольшую опасность и должен был действовать наиболее осторожно. Твердо веря в имперское единство через патерналистский, реформирующий и улучшающий консерватизм, Уэр был крайне озабочен тем, чтобы показать классовую солидарность через действия Комиссии. Уэр писал Черчиллю: «единственное правильное решение, которое не вызовет негодование в среде рабочего класса и многих других людей, выступающих за равенство обращения, заключается в том, что принцесса Беатрис должна взять на себя инициативу, объявив, что над могилой принца Мориса будет установлено обычное полковое надгробие, а надгробие, которое она уже изготовила, может быть установлено среди семейных мемориалов в этой стране, скажем, в Фрогнале» [16]. В письме полковнику Колборну, представителю принцессы, он высказал аналогичную мысль, заявив: «Установка частного надгробия будет подвергнута жесточайшей критике, и, как вы знаете, эта критика будет исходить не только от «лейбористов» (и, конечно, нельзя игнорировать опасность того, что они наживут политический капитал на этой ситуации), но и от родственников офицеров регулярной армии и других людей с хорошим социальным положением, которые находят утешение в мысли о равенстве обращения [15].

Наиболее яростная оппозиция Комиссии исходила от высших чинов британского истеблишмента. Особенно проблемной оказалась семья Сесилов. Бывший соратник Уэра по Красному Кресту, лорд Роберт Сесил, лорд Хью Сесил, леди Флоренс Сесил, вдова сэра Эдварда Сесила и к 1919 году жена епископа Эксетера, а также бывший премьер-министр Артур Бальфур (его мать была Сесилом) вместе с виконтом Вулмером оказали яростное сопротивление Комиссии. Аргументы против Комиссии сводились к трем основным пунктам: использование надгробия, а не креста; принцип единообразия обращения; сохраняющийся запрет на эксгумацию и репатриацию. Понимая, что было бы крайне жестоко по отношению к простому народу заявлять, что весь план Комиссии должен быть отменен, они утверждали, что правительство должно помогать только тем, кто не может позволить себе собственное оформление похорон. Однако кажущаяся продуманность этого пункта полностью игнорировала неприятие рабочим классом нищенских похорон, что вызвало большой спрос на погребальные программы страхования. [17, p. 162]. Судя по всему, принцесса рассматривала свое положение как такое, при котором у нее есть право выбора благодаря своему статусу и богатству, в то время как план Комиссии считался защитой для тех, кто не мог выбрать альтернативный путь. Стопфорд отметил, что «она очевидно, очень сильно переживает по этому поводу и говорит, что это очень тяжело, страдать из-за того, что она является членом королевской семьи» [12]. Исходя из высказывания Стопфорда можно сделать вывод, что принцесса, похоже, чувствовала, что она будет частью элитного меньшинства, вынужденного соблюдать правила, придуманные Комиссией, которым не будут следовать другие. Страх подать бессмысленный пример, похоже, пронизывал ее представление об этой ситуации. И в этом заключалась сложность для Уэра и Комиссии на данном этапе. Комиссия провела большую подготовительную работу, с ней согласились правительства Империи и многие граждане как самой Британии, так и ее доминионов. Но она еще не получила полномочий от парламента Великобритании и людей, которые должны были обеспечить основное финансирование ее деятельности. Пришло время сделать публичное заявление, чтобы устранить путаницу. По трем основным аргументам, выдвинутым против Комиссии, она осталась непреклонной, начиная с репатриации. Один из ее сотрудников сказал: «Невозможно объяснить человеку, почему лорд или леди такой-то могли получить тело [привезенное] домой, а простая миссис Смит, жена рабочего или вдова – нет» [13, p. 47]. Имперские доминионы могли тогда поставить вопрос о репатриации на особый лад, и именно общеимперский аспект очень беспокоил Уэра. Например, австралийцы чувствовали себя крайне удаленными от мест сражений, они понимали, что репатриация в больших масштабах была непрактичной и маловероятной, учитывая расстояния и природные условия, усугубляемые трудностями обеспечения доступа к полуострову Галлиполи в условиях крайней нестабильности региона, и поэтому сочли предложения Комиссии вполне обоснованными [6, p. 360].

Во Франции, духовной родине равенства, наоборот наблюдалось почти хаотическое отношение к собственным воинским мемориалам. Французское правительство выразило желание поддержать товарищество военного времени посредством создания единых военных кладбищ, но затем столкнулось с трудностями в своевременной реализации согласованного плана. Вынужденные принять принцип репатриации в июле 1920 года, многие семьи вернули своих погибших близких, что по крайней мере прекратило практику подпольной эксгумации и извлечения тел. Огромные оссуарии, на французских полях сражений, были возведены не государством, а частными лицами, разочарованными отсутствием скоординированной деятельности [18, p. 73-77].

Уэр продемонстрировал свою решимость отстаивать принципы Комиссии, даже когда в 1919 году усилилась парламентская оппозиция, возглавляемая Бальфуrom и Лансдауном в палате лордов, а также сэром Эдвардом Карсоном и Хью и Робертом Сесилами в палате общин. Леди Флоренс Сесил, потерявшая на войне трех сыновей, обратилась к принцу Уэльскому «от имени тысяч убитых горем родителей, жен, братьев и сестер» с просьбой разрешить установку креста, подчеркивая, что он имеет важное сакральное значение для христиан. Она представила петицию с более чем 8000 подписей. В войне, которая велась против прусской автократии, и в мире, где государственная власть все больше вторгалась в жизнь людей, Комиссию легко можно было обвинить в диктаторстве [19]. Инициировав общественную дискуссию, после долгих обсуждений как публичных, так и закулисных, Бальфур и леди Сесил заявили, что они откажутся от любых возражений против всех планов Комиссии, если крест будет разрешен, и Бальфур было предложено представить проект. Всеобщее осуждение архитекторов Комиссии за плохую эстетику позволило Бальфурю представить другой проект, который, впрочем, оказался не лучше. Данный вопрос был обсужден в палате общин 4 мая 1920 года, но на фоне явных признаков того, что настроения склонялись в пользу Комиссии Уэр начинал выигрывать свою пропагандистскую битву посредством идеи единства империи, грамотной политики связей с общественностью и солидной поддержки британских профсоюзов, которую оказывал Гарри Гослинг, член парламента от лейбористов и член руководства Комиссии. [2, p. 213]

В Палате общин позицию Комиссии наиболее красноречиво выразил Уильям Бердетт, который процитировал письмо Редьярда Кипплинга. В письме пронзительно и красноречиво говорилось о тех несчастных павших солдатах у которых в силу разных обстоятельств нет определенного места захоронения, ведь их могилы не смогут посетить близкие, подразумевая, что родственники, получившие возможность поминовения, не должны поднимать такой шум. Далее он говорил о «гениальности этой войны», которая соединила в единое целое, без различия расы, цвета кожи или вероисповедания» мужское население империи в общем деле. Он сказал, что бедные, несомненно, безропотно примут возможность своих более богатых сограждан воздвигать мемориалы, сочувствуя им в их общем горе, но для него благородство заключалось в равенстве и товариществе, проявленном бойцами, которому теперь должна последовать вся Империя. Попросив их представить себе различное воздействие на эмоции и чувства различных типов кладбищ, он нарисовал два изображения: одно - смесь стандартных и индивидуальных мемориалов, другое - полностью однородное, посвященное «великим и ничтожным, крестьянам и пэрам, богатым и бедным, ученым и невеждам, поднятым на один высший уровень смертью за одно общее и благородное дело» [20, p. 175]. В ответ виконт Вулмер выдвинул альтернативную версию, заявив, что неправильно путать равенство с единообразием, и спросил, можно ли позволить эстетике взять верх над индивидуальными переживаниями. Он процитировал письма от родителей, понесших тяжелую утрату, которые были очень обеспокоены идеей единообразных надгробий, предлагаемых Комиссией [20, p. 177]. Затем в дебаты вступил Черчилль. Будучи человеком твердых взглядов, он высказал свою точку зрения по данному вопросу. Своей речью он завершил дебаты, поразив палату общин пронзительностью своих доводов, сделав погибших символами нации и империи, а не любимыми членами отдельных семей. «[Воинские] кладбища ... будут полностью отличаться от обычных кладбищ, которые отмечают место упокоения тех, кто уходит из жизни в общем потоке человеческой судьбы из года в год.

Они будут поддерживаться и поддерживаются богатством этой великой нации и империи, до тех пор, пока мы остаемся великой нацией и империей, и нет никаких причин, почему в периоды, столь же отдаленные от нашего, как мы сами от Тюдоров, кладбища во Франции времен этой Великой войны останутся неизменным и высшим памятником британской армии, и жертвам, принесенным великому делу». Он сказал, что долговечные камни памяти Лютьенса сохранятся на 2000 лет и все эти 2000 лет будут хранить память об общей цели, преследуемой великой нацией в далеком прошлом, и, безусловно, повлияют на будущие поколения [21, p. 72].

Завершая свою масштабную и величественную речь, Черчилль обратился к Палате общин с призывом решить вопрос без разногласий. Хотя протесты продолжались, Комиссия получила свой мандат. Особое значение для победы над оставшимися сомневающимися имело завершение строительства трех экспериментальных кладбищ, которые можно было бы использовать в качестве примера для общественности. Кладбища в Ле-Трепорте, Форсвиле и Лувенкуре были завершены весной 1920 года. Уэр надеялся использовать эффектность архитектуры и ландшафта кладбищ, чтобы покорить принцессу. Через месяц он отправил несколько фотографий кладбищ и обращение к принцессе через виконта Коркрана: «Я бы очень хотел, чтобы Ее Королевское Высочество увидела одно из завершенных кладбищ, это сразу бы развеяло всю эту жестокую чушь, которую несут о «собачьих надгробиях», причинивших боль стольким людям» [21, p. 112]. Здесь Уэр имел в виду фразу, которую использовала миссис М. Карпентер в эмоциональном письме в Комиссию, осуждая ее решение установить однообразные надгробия. Она сравнила дизайн кладбищ Комиссии с дизайном могилы их собаки [21, p.115]. Очевидно, что для Уэра такое обвинение было как минимум оскорбительно и он хотел, чтобы оно было развеяно. Весомое слово принцессы в поддержку дизайна Комиссии было бы очень полезным в таких обстоятельствах. Не получив от принцессы практически никакого ответа, Уэр боялся, что она может стать своего рода центром сплочения для тех, кто по-прежнему выступал против Комиссии. Ситуация обострилась, когда стало известно, что принцесса ведет переговоры о покупке участка земли на городском кладбище Ипра, на котором находится могила ее сына. Во время войны британских солдат зачастую хоронили на бельгийских и французских гражданских кладбищах, церковных дворах из соображений практичности. Некоторые из них были похоронены на специальных участках, а другие были беспорядочно разбросаны. На таких кладбищах Комиссии приходилось создавать небольшие анклав, ссылаясь на общие архитектурные особенности и принципы, или просто заменять кресты на постоянные надгробия в зависимости от конкретного случая. Могила принца Мориса попала в последнюю категорию - это была отдельная могила на гражданском кладбище, распложенная вдали от других британских солдат. Принцесса Беатрис, очевидно, полагала, что эта формальность освобождает ее от правил, касающихся военных кладбищ, официально согласованных Великобританией с Францией и Бельгией во время войны, и дает ей возможность договориться о собственном обособленном мемориале. Однако это было неправильное понимание ситуации, поскольку англо-французские и бельгийские соглашения совершенно четко указывали, что сначала армия, а затем любой утвержденный британским государством орган-преемник имеет право распоряжаться воинскими захоронениями независимо от того, где они находятся [21, p. 181]. Для того чтобы сдержать принцессу от установки собственного мемориала, Уэр должен был тщательно продумать свою тактику. Лояльность к монархии сдерживала его от того чтобы придать проблему огласке и как-то пристыдить принцессу, добиваясь ее согласия. Вместе с тем он должен был исключить и обратный эффект - выставить ее мученицей за неуступчивость Комиссии. Несмотря на свои откровенно монархические взгляды, он, похоже, был готов использовать публичное воздействие в качестве мягкой угрозы. Стопфорд в своем интервью указал, что Комиссия не сможет молчать, если принцесса осуществит свой план по установке собственного мемориала. Такие действия могут привести к «очень неприятной дискуссии... в центре которой окажется она, и в которую будет вовлечена вся королевская семья», - предупредил Стопфорд [14]. Затем Уэр сказал Черчиллю, что, если принцесса будет настаивать на своем, он должен будет сообщить об этом Совету Комиссии в полном составе, что означает, что это попадет в поле зрения представителей лейбористов, и, несомненно, они потребуют от Уэра полного отчета о том, какие меры он принял, чтобы это предотвратить [15].

Для Уэра установление монополии Комиссии на увековечивание памяти о погибших на войне было принципиальным, и продолжающиеся действия принцессы побуждали других заявить о своих претензиях, поддержав ее. В июле 1920 года он довольно решительно обратился к Черчиллю с просьбой предпринять любые возможные действия для пресечения индивидуализации мемориала на могиле принца Мориса Баттенбергского в Ипре [15].

Тот факт, что новый могильный знак не был установлен к 1925 году, трудно истолковать однозначно. Вполне возможно, что Комиссия намеренно тянула время, зная, что любое резкое движение для окончательного урегулирования ситуации может привести к эскалации ситуации в полномасштабный конфликт с принцессой. В 1932 году был опубликован путеводитель Чарльза Грейвса «Ушедшие за границу». В разделе, посвященном Ипру, он писал: «Сейчас мы проезжаем мимо могилы принца Мориса Баттенбергского. Он был убит 24 октября 1914 года. Он служил в Королевских стрелках, но поскольку он не был английским подданным, на его могиле установлен только деревянный крест вместо каменного» [22, р. 120]. Грейвс намекнул на некое предвзятое отношение со стороны Комиссии, основанное на национальности Мориса.

Точку в этом деле поставил Королевский стрелковый корпус, в котором служил принц. Бывший военный служащий полка, Питкэрн Кэмпбелл был полон решимости получить согласие принцессы на надгробие. Отвечая на его обращения, представитель принцессы подчеркнул, что «принцесса была бы последним человеком, который «отказался бы признать равенство жертв», но ей не нравится, что камень не будет в форме христианского креста». В то же время он заявил, что принцесса снимет свои возражения против «установки обычного камня над могилой принца... если таково будет желание полка». Но было запрошено заверение, что на могильном камне будет «знак полка, и принцесса также хотела бы, чтобы на камне был крест» [10, р. 188]. Таким образом, принцесса добровольно передала полномочия по принятию решений от себя как матери покойного к «военной семье» и дому своего сына-солдата. Такая уступка свидетельствует о коренном изменении позиции принцессы в отношении могилы своего сына. Этому можно найти несколько возможных причин. К моменту этой переписки в 1932 году княгине было семьдесят пять лет, и она уже семнадцать лет пыталась установить свой памятник. Возможно, она просто устала от борьбы, обнаружила, что ее племянник, король, не готов вмешаться от ее имени, и поэтому хотела решить этот вопрос до своей смерти.

Понимая, что спор, наконец, подходит к завершению, Уэр мягко поторопил события, напомнив принцессе о ее праве поместить надпись у подножия камня, что и было сделано в июле 1932 года: «Даруй ему со всеми верными слугами Твоими место вечного покоя» [10, Р. 190]. Получив текст надписи, Уэр приказал вырезать камень, нанести на него надписи и знаки отличия, сопроводив приказ короткой фразой: «Приложите все усилия, чтобы он был хорошо сделан» [13, р. 215]. 30 сентября 1932 года Фрэнк Хиггинсон, директор Комиссии по строительству, сообщил, что надгробие было установлено, и он лично осмотрел его накануне [13, р. 220]. Этим сообщением завершилась долгая история о могиле принца Мориса. Хотя принцесса Беатрис посетила могилу вскоре после войны, похоже, что она никогда не видела ее с официальным надгробием, и нет никаких записей о ее реакции на это.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Случай с могилой принца Мориса показывает всю сложность задач, поставленных перед Имперской комиссией по воинским захоронениям. Для его матери, как и для многих других людей, находящихся в похожем состоянии, вопрос был прост - семейный, и особенно материнский, суверенитет над процессом поминовения. Хотя многие понимали, что их пожелания не могут быть реализованы, пока идет война, они рассчитывали на это право, как только военные действия прекратятся. Однако Британская империя мобилизовала солдат со всех частей государства и воевала на всей планете, поэтому захоронение и репатриация были практически невозможны.

Фабиан Уэр и Комиссия понимали, что ведение войны потребовало неустанных усилий от всех слоев общества, что, в свою очередь, означало, что любой признак неравного отношения к погибшим нарушит негласный договор между Империей и ее народами. Опираясь на поддержку организованных бастионов, таких как вооруженные силы и профсоюзы, Уэр смог отклонить требования отдельных семей и провести план единой мемориализации. Принцесса Беатрис была включена в этот процесс и стала испытанием силы и влияния Комиссии. Как королевская особа и член правящей элиты Великобритании, она должна была пожертвовать своими личными чувствами и пренебречь своим статусом. Ее попросили передать тело и память своего сына в руки имперской организации, чтобы заявить о том, что индивидуальность признается, но подчиняется общей идентичности ради блага единой Империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Adams R.J.Q., Poirer P.P. The Conscription Controversy in Great Britain, 1900–18. Basingstoke: Macmillan. 1987. 288 p.

Longworth P. The Unending Vigil: A History of the Commonwealth War Graves Commission 1917-1967. London: Constable. 1967. 253 p.

Kosselleck R. Kriegerdenkmale als Identitätsstiftungen der Überlebenden. Munich. 1979. Pp. 255-276.

Connelly M. The Great War, Memory and Ritual: Commemoration in the City and East London, 1916-1939. Woodbridge: Boydell [for the] Royal Historical Society. 2002. 259 p.

Ziino B. «Requiem for empire: Fabian Ware and the Imperial War Graves Commission». Empires in World War I: Shifting Frontiers and Imperial Dynamics in a Global Conflict. London, 2014. Pp. 351-375.

Spagnoly T., Smith T. Salient Points: Cameos of the Western Front, Ypres Sector 1914-1918. London: Pen & Sword. 1995. 192 p.

Woolf J. Great Deaths: Grieving, Religion, and Nationhood in Victorian and Edwardian Britain. Oxford: Oxford University Press. 2000. 331 p.

Duff D. The Shy Princess: The Life of Her Royal Highness Princess Beatrice, the Youngest Daughter and Constant Companion of Queen Victoria. London: Muller. 1958. 238 p.

Ware F. The Immortal Heritage: an Account of the Work and Policy of the Imperial War Graves Commission during Twenty Years, 1917-1937. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1937. 81 p.

Longworth P. UNENDING VIGIL: The History of the Commonwealth War Graves Commission. Barnsley: Pen & Sword Military. 2003. 304 p.

Strange J.M. Death, Grief and Poverty in Britain, 1870-1914. Cambridge: Cambridge University Press. 2005. 306 p.

Sherman D. J. The Construction of Memory in Interwar France. Chicago: University of Chicago Press. 2001. 448 p.

Gross J. The Age of Kipling. New York: Simon and Schuster. 1972. 178 p.

Goebel S. The Great War and Medieval Memory: War, Remembrance and Medievalism in Britain and Germany, 1914-1940. Cambridge: Cambridge University Press. 2007. 380 p.

Dendooven D. Ypres as Holy Ground: The Menin Gate and the Last Post. Amsterdam: de Klaproos. 2001. 160 p.

THE PRINCIPLE OF EQUALITY OF THE IMPERIAL COMMISSION ON MILITARY GRAVES OF GREAT BRITAIN ON THE EXAMPLE OF THE BURIAL OF A MEMBER OF THE ROYAL FAMILY

Nemtsov, Denis Olegovich¹

¹Postgraduate, Department of History, World Politics and Sociology, Tambov State University named after G.R. Derzhavina, 33, Internatsionalnaya Street, Tambov, Russia, E-mail: DN414@mail.ru

Abstract

This article examines how the burial of Prince Maurice of Battenberg became a test of the strength of the influence and principles of the Imperial Commission on Military Graves, which tried to prove the legality and correctness of its approach despite the opposition of Maurice's mother, Princess Beatrice, daughter of Queen Victoria. It is concluded that in order to avoid public discussions, the Commission, through the efforts of Fabian Ware, defended its basic principles, according to which Princess Beatrice was not exempt from the general rules by virtue of her royal status, but has a moral obligation to the entire Empire to accept them.

Keywords: imperial commission on military graves, world war I, memorial, repatriation, exhumation.

REFERENCE LIST

Adams R.J.Q., Poier P.P. *The Conscription Controversy in Great Britain, 1900–18*. Basingstoke: Macmillan. 1987. 288 p.

Longworth P. *The Unending Vigil: A History of the Commonwealth War Graves Commission 1917-1967*. London: Constable. 1967. 253 p.

Kosselleck R. *Kriegerdenkmale als Identitätsstiftungen der Überlebenden*. Munich. 1979. Pp. 255-276.

Connelly M. *The Great War, Memory and Ritual: Commemoration in the City and East London, 1916-1939*. Woodbridge: Boydell [for the] Royal Historical Society. 2002. 259 p.

Ziino B. «Requiem for empire: Fabian Ware and the Imperial War Graves Commission». *Empires in World War I: Shifting Frontiers and Imperial Dynamics in a Global Conflict*. London, 2014. Pp. 351-375.

Spagnoly T., Smith T. *Salient Points: Cameos of the Western Front, Ypres Sector 1914-1918*. London: Pen & Sword. 1995. 192 p.

Woolf J. *Great Deaths: Grieving, Religion, and Nationhood in Victorian and Edwardian Britain*. Oxford: Oxford University Press. 2000. 331 p.

Duff D. *The Shy Princess: The Life of Her Royal Highness Princess Beatrice, the Youngest Daughter and Constant Companion of Queen Victoria*. London: Muller. 1958. 238 p.

Ware F. *The Immortal Heritage: an Account of the Work and Policy of the Imperial War Graves Commission during Twenty Years, 1917-1937*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1937. 81 p.

Longworth P. UNENDING VIGIL: The History of the Commonwealth War Graves Commission. Barnsley: Pen & Sword Military. 2003. 304 p.

Strange J.M. Death, Grief and Poverty in Britain, 1870-1914. Cambridge: Cambridge University Press. 2005. 306 p.

Sherman D. J. The Construction of Memory in Interwar France. Chicago: University of Chicago Press. 2001. 448 p.

Gross J. The Age of Kipling. New York: Simon and Schuster. 1972. 178 p.

Goebel S. The Great War and Medieval Memory: War, Remembrance and Medievalism in Britain and Germany, 1914-1940. Cambridge: Cambridge University Press. 2007. 380 p.

Dendooven D. Ypres as Holy Ground: The Menin Gate and the Last Post. Amsterdam: de Klaproos. 2001. 160 p.